

Россия. — 2003. — 18 сент. — с. 10

Живая монументальная

Это тоже памятник

Ян Смирницкий

Нет сомнения в том, что кладбища являют собой любопытнейшую архитектурную форму; и прежде чем наступит день, когда они исчезнут с лица земли по той простой причине, что память о живых должны хранить живые, давайте вспомним места эти — места, где «...смерть, ликуя, охотно продолжает жизнь».

Ткни в любой дом Москвы, и посыплется история. И не только архитектуры, о, если бы только так! Могу часами рассказывать. Вот, например: через дорогу от нашей редакции — здание ЛУКОЙЛа. Сейчас при его входе сломали фонтан, имитирующий нефтедобычу, а вместо фонтана провели стрелой предлинный вестибюль.

Собственно, архитектор всего комплекса Феликс Аронович Новиков, проектируя дом в конце 60-х, не замыслил ни первого, ни второго. Но это еще пустяки. За время долгостроя один начальник приказал урезать дом по этажности, другой изловчился прилепить пристройки, а третий так и вовсе заставил перекрасить здание из красного (естественная фактура гранитного щебня) в белый цвет. Экая удал, позавидуешь! Хотя позвольте. Феликс Новиков меня то привлек совсем другим, а именно: он, живо интересующийся inferнальными формами, в статье для журнала «Знамя» от ноября 1998 года задается риторическим вопросом: возможно ли создать идеальное кладбище?

Попробуем порассуждать. И кстати. До того, как переехать на Сretenский

бульвар в здание Новикова, та же упомянутая компания занимала более скромный по площади особняк во 2-м Неглинном переулке. За этот особняк его архитектор Павлов в 1995 году получил премию на Международном конкурсе реконструкции городов в Брюсселе. А ровно тридцатью годами раньше тот же Петр Петрович Павлов по заказу столичного правительства продумывает и возводит близ поселка Николо-Архангельское одно из самых важных сооружений в своей жизни — Второй московский крематорий.

Вместо садов — «спинки кроватей»

Разумеется, говоря о колоритной фигуре Петра Павлова, нельзя забыть и о других его работах. Родился будущий архитектор 29 декабря 1928 года в Москве; интересно, что по линии отца (руководящего работника) Павлов — правнук русского художника Алексея Саврасова, того, у которого «Грачи прилетели».

Итак, чем же Павлов знаменит? Ну, во-первых, монументом арабо-советской дружбы в Асуане — белый железо-

бетонный Лотос в 76 метров высотой, вырастающий как бы из воды. В иных проспектах-путеводителях по Египту Лотос упорно приписывается Эрнсту Неизвестному. Скажите, пожалуйста: ну при чем тут Эрнст? Рисунки внутренних барельефов Эрнста Неизвестного вместе с проектом Павлова были лишь представлены в 1968 году на конкурс в Каире, но в натуре все барельефы придумал и осуществил скульптор Вечканов.

Кроме Лотоса, Павлов построил кинотеатры «Космос», «Гавана», «Будапешт», «Кунцево», ритуальный зал на Троекуровском кладбище и фантастический детсад на 280 мест. Сейчас архитектор неважно себя чувствует, проводит много времени на даче в Загорянском, рисует в технике пастели по шпательной шкурке и готовит персональную выставку живописных работ ближе к декабрю.

— Петр Петрович, неделю назад наша газета подняла тему неприкосновенности творения, особенно когда дом берется переделывать люди, ничего в архитектуре не смыслящие. Речь шла о первом крематории Осипова...

— Ну так и мой крематорий уже испоганили! Построили рядом часовню в традиционном русском стиле, которая абсолютно ни с чем не вяжется! Пока авторы живы — пришли бы, посоветовались. Нет: всем на все наплевать! Крематорий-то построен по конструктивистским канонам; если посмотреть на него в плане, то идея такая: через три зала прощания как бы проходит волнообразная линия жизни, пересекаемая гигантской плитой смерти. Перед крематорием стоит высокий обелиск с колоколом. Ну и при чем здесь часовня? Почему надо было все испортить? Так мало того...

— Что еще?

— Обязательная норма для всех крематориев мира: родственники усопшего не должны выходить теми же дверями, через которые входили. Поэтому я предусмотрел дополнительные выходы с другой стороны. Но они не используются! И получается дикость: входит одна процессия, а на нее встречным курсом наваливается другая — плачущая и ревущая! Что за жуть? Или. Интерьер центрального зала был особо тщательно продуман: близкие покойного во время скорбной церемонии смотрят сквозь прозрачные стекла и видят природу. Мол, не отчаивайся: жизнь течет дальше. Так вместо этого наделали каких-то цветных витражей, природы не видно, идея ушла. Наконец, крематорий рассчитывался на три печи, а они взяли и поставили шесть, чтобы увеличить пропускную способность. В итоге все захлебывается в непрерывном потоке машин, процессии вязнут друг в друге... Мясорубка, одним словом. И это отражается на психике живых людей, вот в чем дело.

— То есть полностью отсутствует уважение к человеку.

— А наши кладбища? Откуда это желание отгораживаться? Что это за «спинки кроватей»? Мои родители похоронены на Даниловском кладбище. Сначала я не стал ставить ограды. Но за два года на мои могилки навалили мусор с остальных могил! Что делать? Спасения нет: пришлось и мне городить ограду. А недавно ходил — батюшки: из черного полированного лабрадора выросли в ряд громады памятников, но непонятно главное: зачем? Ну простоят они какое-то время. Близкие покойного уйдут тоже. И останется эта глыба — для чего, для кого? Думать люди не хотят. Творят черт знает что.

— Какова же альтернатива?

— Не глыбы дурацкие после себя оставлять, а сады... Перед строительством крематория в Николо-Архангельском меня вместе с технологом командирова-

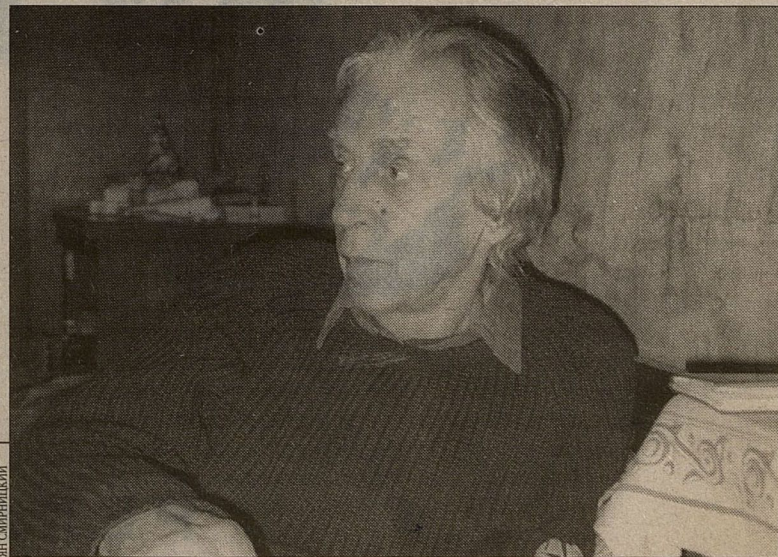
ли в Великобританию — самую прогрессивную страну по части культуры захоронений: на рубеже XIX–XX веков там уже действовало Кремационное общество, одна из целей которого — оградить психику живого человека от ненужных потрясений. Там-то я и познакомился с такой альтернативной формой, как Сады воспоминаний (Gardens of remembrance). — Ред.) Заходишь в такой сад, а словно бы попал в наш Ботанический: цветущие розовые кусты, ухоженные зеленые поляны, клумбы... Прах усопшего просто развеивается на таких полянах, а в память о людях высаживаются розарии.

Хорошее дело, да и то через глупость

Английская ритуальная контора The Green Burial company вообще довела идею до совершенства. Под городком Олни в Букингемшире она выкупила бывшие пастбища под свои нужды и пропагандирует нынче следующий способ захоронения. Родственники покойного за отнюдь не маленькую сумму, близкую к 3000 фунтов стерлингов, приобретают кусочек земли в четыре квадратных метра. На этом кусочке можно похоронить один раз только одного человека, да и то не в чем попало, а исключительно в экологически чистом гробу, например, в модном сейчас экопode, сделанном из прессованной бумаги. Вместе с гробом кладутся удобрения, и в землю сажается какое-нибудь деревце, например, дубок или береза.

Компания обязуется ухаживать за деревьями, которые год за годом постепенно образуют лес в его самом что ни на есть естественном виде: трава, полянка, птички, белочки, кролики... Другое дело, что лес этот будет на идеальном содержании, никакого бурелома, непроходимых чащ... И кроме деревьев — ничего.

Единственное, что основным рекламным аргументом в пользу зеленых кладбищ англичане избрали миф об экологии — конечно, популярное, но крайне витиеватое понятие, не ясно, что означающее. Если каждому человеку в нашем городе за свою жизнь надо кровь из носу сменить три машины, о какой экологии идет речь? Или господа из Комитета по экологии ООН приезжают на Первое авеню Манхэттена на велосипедах? Гуляя по подмосковным лесопаркам, я любовался пирамидами из пластиковых бутылок и консервных банок. В какой-то момент возникала мысль, что людям очень нравится это делать, они видят в этом некое творение...

Заслуженный архитектор России Петр Павлов — создатель крематориев и детских садов

18.09.03

Павлов Петр Петрович

283